

Пятая симфония Прокофьева

НЕДАВНО в симфоническом концерте Московской филармонии состоялась премьера Пятой симфонии С. Прокофьева, написанной им летом 1944 года.

Давно уже произведения Прокофьева не вызвали к себе такого широкого общественного интереса. Прокофьев и симфония! Из всех видов музыкального творчества, в которых высказывается его универсальный талант, область так называемого чистого симфонизма, предполагающая в ее творцах склонность к поэтически обобщенному постижению жизни, являлась как раз той областью, в которой Прокофьев оказывался до сих пор наименее убедительным.

Прокофьев всегда питал особое пристрастие к детализированному и в сущности своей антисимфоническому воспроизведению неповторимого и характерного в жизни. На этом пристрастии основана у Прокофьева сущность его оперной, да и не только оперной, драматургии. Даже обращаясь к симфоническому творчеству, он, как правило, стремился найти для своих замыслов сюжетное или жанровое оправдание. Отсюда — роль театрально-живописного и декоративно-изобразительно-

го элементов в палитре красок, которыми оперировал Прокофьев в своей симфонической музыке. И не симфонии, а именно программно-симфонические произведения типа «Скифской сюиты», кантаты «Александр Невский», сюит «Ромео и Джульетта» до последнего времени определяли Прокофьева как симфониста.

Пятая симфония — первое крупное симфоническое произведение Прокофьева, в котором он выступает в сфере выразительно-экспрессивной музыки, без каких-либо ее частных локально-изобразительных комментариев.

Сказанным определяется трудность, а также неизбежная условность переложения содержания симфонии на язык словесных образов. Последовательно раскрываемое в четырех частях цикла содержание это выявляется прежде всего в эпическом тоне суровой мужественности и классической (с опорой на традиции могучего бординского симфонизма) ясности всего музыкального повествования.

Такова по своему преобладающему настроению и формальной структуре первая часть симфонии — величественная ода — сонатное анданте, обращенное к человеческому мужеству и героическому началу жизни. Эпиграфом к музыке первой части могли бы послужить слова Андрея Болконского из прокофьевской оперы «Война и мир»:

«Но я скажу тебе, поверь, мы выиграем это сражение», которые он произносит на Бородинском поле. Здесь та же героическая патетика чувств, та же сфера образного выражения, те же приемы мелодического и гармонического письма, восходящие к образцам старого классического стиля. Суммирующим «портретом музыки» первой части является ее героико-патетическая кода.

Вторая часть — динамически-неуравновешенное и одновременно причудливое скерцо. Музыкальной темой является здесь непрерывное, неотвратимое движение. В его основу Прокофьевым положен классический мотив в духе Моцарта. Вначале мотив этот кажется задорно-простым и интонационно «безобидным». Но затем, по мере нарастания движения, он мелодически заостряется, принимает причудливые очертания, становится злобным. Впечатление такое, будто закопчилась вся нечисть и пошла в воинственный пляс злая сила. Появляющийся в середине скерцо танцовальный эпизод своей подчеркнуто жанровой обнаженностью звучит как гротеск. Скерцо обретает тяжеловесную посылку марша, угрожающе звучит начальный мотив, выпадающие каскады гамм прадают ему саркастический характер.

Совершенно иной мир чувствований воспроизводит третья часть — возвышенно лирическое анданте. В нем романтическое упоение, приподнятое чувство красоты жизни, в этом смысле страстное монологическое признание (в духе и стилистической манере любовных сцен «Ромео и Джульетты») и одновременно глубокая человеческая печаль, лирика потрясенного сердца, скорбно вопрошающие возгласы, за которыми слышится остро современное, волнующее содержание.

Содержание это передано, однако, Прокофьевым со свойственной ему объективностью, без какого-либо эмоционального обнажения. На всем лежит печать углубленности, строгости и суровости изложения, особенно подчеркываемой суровостью оркестрового коло-

рита. Кульминацией чувств, моментом наибольшего душевного сосредоточения является в анданте его средний скорбный эпизод в манере траурного марша. После него возвращающийся начальный материал анданте вновь переводит музыку в область чистой и вдохновенной романтики.

Весь цикл венчает светлый финал, классичный и одновременно прокофьевский по тематике и духу изложения. Широкая, русская по своей окраске тема, появляющаяся в середине финала, возвращает всё музыкальное повествование в сферу эпических настроений, преобладавших в первой части симфонии. Но в отличие от драматической патетики анданте здесь все залито светом и пронизано воспроникающим духом радости и народного величия.

Когда-то Б. Асафьев писал о Прокофьеве, что в его музыке звучит «обаяние молодости и романтической веры в жизнь». Этими словами как нельзя лучше можно определить впечатление, производимое новой Пятой симфонией Прокофьева. Ясная, благородно-возвышенная, мужественно-устремленная, она звучит романтично и освежающе-молодо. Подобно тому, как Седьмая «Ленинградская» симфония Шостаковича живет в нашем сознании как симфония 1941 года, а его трагическая Восьмая симфония останется в художественных летописях войны как лирическая исповедь современника, датируемая 1942—43 гг., так героико-эпическая Пятая симфония Прокофьева приходит в наше искусство как симфония 1944 года — года победы человеческого духа, о котором она повествует.

С. Шлифштейн.

ВЕЧЕРНИЙ МОСКВА

★ 1 ФЕВ 45

гор. Москва